

Фоменко Е. Г.,

доктор філологічних наук, доцент,
професор кафедри теорії і практики перекладу,
заведуючий кафедрою теорії і практики перекладу
Класического приватного університету

ГЕТЕРОНОМИЯ ВОЙНЫ И МИРА В «ПОМИНКАХ ПО ФИННЕГАНУ» ДЖЕЙМСА ДЖОЙСА

Аннотация. Статья рассматривает словоформы-отклонения, включающие славянские ослышки в «Поминках по Финнегану» Джойса. Делается вывод, что, сопрягая войну и мир с семантической фигурой глубины, Джойс применяет принцип гетеронимии, хаотической закономерности, скрещивая войну и мир в чуждом им порядке.

Ключевые слова: ризоморфная среда, гетеронимия, словоформа-отклонение, ослышка, славянизация.

Постановка проблемы. «Поминки по Финнегану» Джеймса Джойса известны не только тем, что в них втрое больше слов, чем у Шекспира, но и включением слов из 77 языков [6]. В «Поминках» освоена «полная текучесть лингвистического аппарата» [1, с. 351] и творится панъевропейский литературный язык [2, с. 29]. Славянизмами в «Поминках» вплотную занимались П. Скрабанек и Б. Энгелхарт [6; 4]; под редакцией С. Сандулеску составлен глоссарий славянских слов в «Поминках» [5]. Без умаления важности инвентаризации славянских лексем в «Поминках», актуальным представляется выяснение роли славянских языков в ризоморфной среде «Поминок». До сих пор нет исследований, рассматривающих принципы рассеяния славянских лексем в этом тексте. Специальное изучение словоформ-отклонений, содержащих славянские слова или ослышку на них, позволяет выявить общий принцип приведения хаоса многоязычия к порядку в этом тексте.

Цель статьи – описать гетеронимию, которой Джойс рассеивает славянизмы в ризоморфной среде войны и мира.

Изложение основного материала. Ризоморфная среда войны и мира наиболее полно отражает порядок рассеяния славянских лексем в «Поминках». Джойс оперирует словоформами-отклонениями, содержащими славянизмы или направляющими к ним. Лексема war «война» вводится во втором абзаце «Поминок» словоформой-отклонением “his **penisolate** war” [7, с. 3.6], которая удлиняется русской ослышкой «блудный»: “Eireweeiker to the wohld **bludyn** world” [7, с. 593.3]. “Wohld” складывается ослышками woo (от woh) «свататься, уговаривать», wold «пустошь», древнеанглийским словом woh «лес» (от протоиндоевропейского корня *welt- с тем же значением). Но также “wohld” расщепляется на oh, old и world, вызывая в памяти слова из «Скифов» А. Блока: «О, старый мир! Пока ты не погиб» (в английском переводе “You, the old world, now rushing for perdition”). Тристан прибывает, чтобы повлиять в борьбе за войну, конечно, не Пиренейскую, определить которую можно только житейски, через славянскую лексему «блуд», которая в чешском языке обозначает заблуждение. Чужеродная закономерность, выводимая с самого начала, – любовь и война. Если прочитать “penisolate” как penis + so + late, то война предстает на личном фронте, за Изольду, которую Тристан везет дяде. Тристан – отважный воин, убивший в единоборстве великана

Морхульты и вылеченный от ран белокурой Изольдой. В Шенг считает, что “penisolate war” является аллюзией на Наполеона и Веллингтона [3, с. 251]. Действительно, в Пиренейских войнах (Peninsular wars), где Наполеону противостояли Англия, Испания и Португалия, прославился герцог Веллингтон ирландского происхождения. Кроме того, Англия оставалась изолированной из-за Тильзитского договора (pen + isolate), которым Россия признала все завоевания Наполеона. Создается поворот pen + isolate в войну на словах и дерево-мир: “The **war** is in words and the wood is the world” [10, с. 98.34] – скрытая ассоциация с *welt-, прослеживаемая в украинских ослышках лесов и лугов “**Lissnaluh** such as the Djublian Alps” [7, с. 340.6]. Родственное польское слово łag, łęg «топь, болото, лес на болоте, болотистый луг», вводит отпочкование болотистой местности (bog), характерной для Дублина.

Сегментом мирового древа служит деревянный предмет, использующийся для войны, выраженный чешской лексемой “boomerings**stroms**” [7, с. 4.6]. Образуется отпочкование war-wood(strom)(*welt-)-world, куда «прошнуровываются» военные трофеи “**wartrophy**” (FW 83.14), “**swarded**” [7, с. 730] (пронзть мечом), “the **wararrow** went round” [7, с. 43.21] (стрела, бумеранг).

Неожиданный поворот наблюдается в “What a **warm** time” [7, с. 10.25], где происходит удлинение отпочкования. Сегментация warm на **warm-warm-warm** выводит на возможное прочтение: «Какое теплое (горячее) время военного оружия (руки, держащей оружие). Соположение war-wood (strom)-world и warm-war-arm обнаруживает два общих компонента, оставляя в остатке world-warm (мир). Тогда руки можно миролюбиво пожимать или, подобно мирной прялке, руки чешутся для насилия, конфликта: “shaking **warm** hands with himself and the jimming Hilary” [7, с. 21.36]. Мир, вооруженный к войне “an imperfectly **warm**blooded race” [7, с. 33.22], совмещает теплокровную природу человека в чужеродной закономерности, пусканием крови для прекращения жизни. Происходит трансформация warm-war-arm в пускание крови орудием войны (убийство человека человеком), как в “It’s our **warm** spirits, boys” [7, с. 27.24] и “**warriors**” [7, с. 34.4].

Стандартная лексема **warriors** выявляет внешний закон воин-был (англ. и нем. омофоны war), разворачивая “What a **warm** time” [7, с. 10.25] в военно-мирное время. Возможные удлинения: war (было) war (войны) arm (оружие) – What a warm time (Как тепло и мирно!) или war (было) warm (теплый) arm (руки мирной жизни) – warm (пускающий кровь) war (война) arm (оружие). Иначе говоря, выявляется чужеродная закономерность между теплом мирной жизни и пусканием теплой крови во время войны. Например, “his well**warmed** leababoded in a housing room” [7, с. 40.2] – ирландская лексема leaba «кро-

вать» указывает на человека, уюмившегося на спальном месте в натопленном жилище (укрытии, убежище) как во время войны, так и мира. Такая ситуация может быть во время войны с перемирием: “war trews” [7, с. 8.21]. Лексема trews «клетчатые штаны» (из ирландского triús) является омонимом truce «перемирие». Военные клетчатые штаны могут указывать на военную шотландскую клетчатую юбку килт, намекая, что перемирие – это как штаны и юбка одного рисунка ткани. Ослышка перемирия “trews” складывается с ослышкой дерева (строить разрушенное, дубина народной войны по Л.Н. Толстому) в отпочковании “the wood is the world” [7, с. 98.34] (совмещение дерева войны-мира). Война попадает в ослышку «болгарский» и имитацию Джойсом ирландских анналов: “Bloody wars in Ballyaughacleeaghally” [7, с. 14.9] (в отпочкование анналов войдет упомянутый Нестор, летописец Киевской Руси). Отпочкование войны-мира вербализуется “in this gnarl world” [7, с. 345.31], совмещая “The war is in words and the wood is the world” [7, с. 98.34] в world – война слов в мировом древе.

Ризома войны-мира разрастается в удлинение, содержащее два определения, – welt (в продолжающейся ассоциации с *welt-, в том числе в украинской сегментации “Lissnaluhy”) и world (в том числе в ослышках славянской лексемы «свет») в характерном для Джойса скольжении, вербализованным предлогом through «сквозь»:

“<...> through the windr of a wondr in a wildr is a welt as a wirbl of a warbl is a world” [7, с. 597.29].

Первая часть, определение “welt” – “through the windr of a wondr in a wildr is a welt” – содержит ослышки немецкой лексемы Welt «мир» в одновременности с древнескандинавским словом velta «рубец от раны», протоиндоевропейским welt «леса, дикий» и английским словом world. Опускание конечного согласного -г восстанавливает wind, wond(er), wild и welt (ветер чудес в одичалости есть рубцованный дикомир). Далее опускание двух конечных согласных выявляет новую тройку смыслов: win «побеждать», won «победил, был побежден» и wil «воля» (аллюзия на труд А. Шопенгауэра “Der Welt als Wille und Vorstellung”). Возможный смысл: ветер победы в выигранном чуде в волевом буйстве есть рубцованный дикомир. В еще одном удлинении соединятся ветер (wind), война (war), глаз (Oconee) и направление (-ward): “his windward eye” [7, с. 524.19] – аллюзия на бога грома и бури Тора (ветровоинственное око) с всплывающей сегментацией – русскими словами «око» и «очи».

Вторая сентенция “a wirbl of a warbl is a world” складывается немецким личным местоимением wir «мы» (wirbl) и немецким глаголом war (warbl) в совмещении с английской лексемой war «война» (warbl). “Wirbl” составляется древнеанглийской лексемой wir «проволака», немецким местоимением wir и искаженным wirbel «вихревой, круговой». Через «проволаку» образуется отпочкование «застенок» в ассоциации с гестапо и ЧК, ослышки которых есть в «Поминках», в то время как «вихревой» является отпочкованием урагана, которое тоже имеет русскую ослышку слова «ураган».

Круговой характер, выраженный ослышкой wirbel, отпочковывается в “providential warring of heartshaker with housebreaker and of dramdrinker against freethinker” [7, с. 107.31]. Удлинение отпочкования приводит к украинской ослышке в “Lissnaluhy such as the Djublian Alps” [7, с. 340.6]. Но также warring содержит, наряду с «был-война-круговой» новое отпочкование через многозначность ring «кольцо, звон,

звучание, благовест, клика, намек». Например, синонимом ring «благовест» является лексема toll в “Killykillilly: a toll, a toll” [7, с. 4.7–8] (теперь высвечивается несовместимое – набат войны и благовест мирной службы в церкви). Кроме того, благовест отличается от перебора и трезвона тем, что церковный звон создается одним большим колоколом, который приглашает к службе.

Местоимением «мы» (we, wir) Джойс называет человечество: “Passing. One. We are passing. Two. From sleep we are passing. Into the wikeawades world from sleep we are passing” [7, с. 608.33–34]. Опираясь на латинскую лексему passare «шагать, идти, проходить», Джойс видит человечество, входящее после состояния бездействия (сна) в пробуждаемо-увядающий войномир. И далее складывается удлинение: “The while we, we are waiting, we are waiting for” [7, с. 609.22–23] (и пока мы, мы ждем, мы ожидаем). Мысль тянется стеблеобразно. Изломы этого движения складываются прохождением России через опыт стихии большевистской революции, залившей, отринув разнообразие, страну террором. Мирозерцание серпа и молота “the sickle of a scythe and the humour of a hummer” [7, с. 341.10] (серп косы-скипетра и гудомолот) не приносит умиротворения.

“Warbl” является усечением warble «трель» (warbler «певчая птица»). Сегментацией в отпочковании пения птиц могут служить русское слово соловей в “soloweys sang” [7, с. 330.8], перебор до и ля в ослышке славянского слова доля «Dola» [7, с. 621.21], виртуозная игра на балалайке с одновременным треском орудий в Балаклаве “balacleivka” [7, с. 341.9]. Более того, ослышка русского слова «дура» в “Duras” [7, с. 334.30] вкладывается в развернутое словосочетание, в котором шесть определений начинаются на -bl: “a boosted blasted bleating blatant bloaten blasphorous blesphorous idiot” [7, с. 167.14] (подпикиваемый взрывно-блеющий вопиющий вздутый богохульный благословенный дурак).

Выводимый смысл «мы-вихрь-переплетение», как и в случае с “penisolate war”, выводит “a wirbl of a warbl is a world” на “the wohld bludyn world” [7, с. 593.3], удлиняя смысл значениями разных славянских слов: рус. блуд, укр. блуд, чеш. blud «заблуждение», н.-луж. blud «блуждающий огонек». Славянские лексемы складывают нужные Джойсу смыслы мира как заблуждения (tiverrun), грехопадения (блуд), света (блуждающий огонек). Конечный повтор -bl отпочковывает blood, blut «кровь» с русской ослышкой красного цвета в окрашенном моряками море “krashning blurdy moriatsky butcherudd” [7, с. 338.8–9]. Точно так трель как пустой разговор удлинится в способ говорения тараторение, противоположный заиканию, как в ослышке “Trovarovitch!” [7, с. 341.9].

В другом складывании лексема war помещается в контейнер английского слова warning: “warning Phill filt tipping full” [7, с. 6.7–8] – дословно предупреждение, а с учетом вложения, знак войны [warning (war)]. Между war и warning помещается битва при Вердене, в ослышке реки Вердон, протекающей в юго-восточной Франции: “the Verdon’s catapulting the camibalistics” [7, с. 3.4–5]. Верденская (Verdun) мясорубка 1916 г. становится корешком, детерриторирующим любую войну на истощение. Нарочская операция, проведенная на восточном фронте русскими войсками, облегчила положение французов: это знание удлинит славянское отпочкование войны и мира. Предупреждение ретерриторирует войну, поскольку оба слова соединены в мудрости Водина (Одина): “And what sigeth

Woodin *warneung thereof?*» [7, с. 503.28]. Словоформу-отклонение “*warneung*” можно прочитать как «было (*war*) предупреждение (*warning*) о войне (*war*)», что удлинит “*Killykillkilly*”.

Линия ускользания *war* (война) и *war* (нем. «был») удлинит *warning* (предупреждение). Корешком мира становится птица: “*she comes, a peace fagle*” [7, с. 11.9]. Но *fagle* ассоциируется с *fugleman* (от нем. *Flugelmann* = крыло + муж) – фланговый солдат выбегал вперед, чтобы по нему другие солдаты учились фронтовым и ружейным приемам. Подобно “*windward*” [7, с. 524.19], обыгрывается “*without warnward from me*” [7, с. 379.2] (направление ветра войны – направление предупреждения о войне). Предупреждение, связанное со звоном, переводится в лай собаки, вербализованной русской ослышкой: “*bell the warning. Sobaiter sobarkar*” [7, с. 339.9]. Еще одно удлинение: советский символ молота Джойс дает ослышкой *hammer* [hum]: “*the humour of the hummer*” [7, с. 341.10]. Дублируя инкорпорированное слово “*hum*”, Джойс рассеивает его синонимом *dog* «курок» омофон *dog* «собака» в русской ослышке, но с английским глаголом *bark* «лаять». Как лает собака, так шутит курок власти серпа и молота.

Джойс перефразирует слова Цезаря “*Veni, vidi, vici*”, которыми тот в письме к своему другу сообщил о победе над Фарнаком при Зеле: “*He came, he kished, he conquered*” [7, с. 512.8] (дословно: пришел, кышнул, завоевал). Возможная славянская сегментация: “*risky wark rasky wolk*” [7, с. 351.6] – рискованная вылазка русский волк, проворный (шв. *rask* «проворный») народ (нем. *volk* «народ»).

Слово «кыш» отгоняет птицу мира “*a peace fagle*” [7, с. 11.9] с ее фланговым солдатом. Как вариант «кышнуть» совмещает русскую лексему «бойня» и битву ирландцев на реке Бойн (ирл. *Cath na Bóinne*): “*This is the three lipoleum boyne gouching down*” [7, с. 8.21–22]. Битва при реке Бойн упоминается в проекции на трех Наполеонов, последних монархов Франции (во главе войска противника у реки Бойн был Вильгельм III; отступившие якобиты оставили Дублин без боя, как и М.И. Кутузов отошел за Москву), и последнего французского военачальника, получившего звание маршала при Наполеоне, – маркиза Эммануэля Груши, который участвовал в Бородинском сражении и на которого Наполеон возложил вину за поражение при Ватерлоо. Вильгельм III дружил с Петром I, который его посетил и в Нидерландах, и в Англии. Александр I искал выгоды во временных союзах с Наполеоном. Для битвы на реке Бойн Наполеон, не ступавший на землю Британской империи, является чужеродной закономерностью. Наполеон II, известный как «орленок», рано умер и не вовлекался в войну. Через битву у реки Бойн, где противостояли католики и протестанты, происходит удлинение в Варфоломеевскую ночь (резня гугенотов католиками во Франции из-за неугодного брака). К избиению призвал колокольный набат в королевском дворце: *Killykillkilly* [7, с. 4.7–8]. Новое удлинение – набат и трезвон, направляющий к славянской ризоме войны и мира.

Удлинение ризоморфной среды военного конфликта происходит при включении военачальников ирландского происхождения, кроме Велингтона: “*This is an inimyskiling inglis*” [7, с. 8.23] – У. Инглис (1764–1835) был британским генерал-лейтенантом, вице-губернатором Кинсэйла и губернатором Корка в Ирландии. Губернаторство складывает Инглиса с русским наместником в Финляндии, генерал-губернатором Н. Бобриковым, упоминающимся также в «Улиссе» (убийство губернатора произошло в день, 16 июня 1904 г., описанный в

«Улиссе»). И Н.Бобриков, и У. Инглис, наместники, насаждали империю (соответственно, в Финляндии и Ирландии). Иными словами, пучкообразная война крутится вокруг завоевания, насаждения власти завоевателя, отвоевывания территории сквозь стемель бойни (русская бойня и *Boyn*, место битвы в Ирландии) по любому поводу.

Звукоподражательное междометие «кыш» (кш) складывается с библейским именем в английском написании *Kish*, обозначающим приманку, ловушку, сеть (возможно, ее расставляет некто *gouching* «брюзжащий», как Наполеон на маршала Груши). В русском переводе «Есфирь» транслитерируется *Кис*. Всего в Старом завете пять человек по имени *Кис* (*Kish*). Один *Кис* похоронен в Целе (*Zelah*): этот топоним созвучен месту, к которому относятся знаменитые слова Цезаря, приведенные Плутархом.

Цезарь вел гражданскую войну с Помпеем, что удлинится в гражданскую войну после октябрьского переворота в России, в гражданскую войну за освобождение от имперского ига в Ирландии и другие гражданские войны в истории человечества. В таком удлинении в ослышке Ленина в “*Whenin aye was a kiddling*” [7, с. 356.16] прочитывается: Ленинское «согласие-перемёт» (перемёт – рыболовная снасть с крючком, которую ставят поперек течения реки). Иными словами, расставляется западня, с которой можно связать украинскую лексему *шахрай* в совмещении с именем Шахрияра: “*a shahryyar cobbler*” [7, с. 357.19]. Скрещенные, они рассеиваются в ослышке русского слова *царь* в “*Yastsar*” [7, с. 353.9]. Возможное прочтение: *Ya* (русское «я» и немецкое *ja*) *as* (как) *царь*. Шахрияр был персидским царем из «Тысяча и одной ночи», а В.И. Ленин стал правителем вместо царя, придя к власти в метафоре перемёта. Гражданская война объединяет Цезаря, ведшего войну с Помпеем, и Ленина. Пойманный на крючок, простой люд живет коммунистической коммуной: “*we shall all be hooked and happy, communiounistically*” [7, с. 453.32] – намек на оболванивание несбыточной мечтой правящим картавящим человеком, освоенный словоформой-отклонением “*gribgrobgrab*” в сочетании с “*reining*”. В отклонении трижды повторяется трудное для картавящего человека сочетание согласных в ослышке русских лексем «гриб», «гроб» и «грабить». Неслучайно гестапо складывается с Чека в “*Gestapose to party off cheekars*” [7, с. 332.7], в возможной ассоциации с «наслаждением в глазах отдельных нэпманов» в “*some nepmen’s eyes a delectation*” [7, с. 558.7]. Нэпманов стали прижимать и скоро задавили, уничтожив мелкое предпринимательство к началу 1930-х гг. Возможна ассоциация с добрыми людьми, живущими под бичом (плетью): “*Ludegude of the Lashlanns*” [7, с. 626.6].

Наконец, “*He came, he kished, he conquered*” [7, с. 512.8] удлинит чужеродную (мирную) закономерность через ослышку ирландской лексемы *kish* «плетеная корзина» (ремесло плетения) и лат. *conquirere* «искать» (пришел, сплел корзину, пошел искать). Апостол Павел (в русских Деяниях Савл) был спущен со стены в Дамаске в большой корзине: «Ученики же ночью, взявши его, опустили по стене в корзине» (Деян. 9:25). Мирное орудие побега удлинит линию преследования за религиозные убеждения.

Революционные события в Советской России не просто освоены славянскими словоформами-отклонениями, но и истолкованы в понятиях красного и белого времени (террора): “*Showing up of Bulsklivism <...> this red time of the white terror equals the old regime*” [7, с. 116.7–8]. «Большевизм» узнается

не только по характерному суффиксу, который сохраняется, но и по вычленению английской лексемы “bulk”, которая своим значением указывает на огромность, массу, тотальность. Джойс употребляет словоформу-отклонение, содержащую ослышку «меньшевик»: “this Esuan **Menshavik**” [7, с. 185.34]. Библейский Исав продал первородство за красноватую снедь брату Иакову. Джойс проводит интересную параллель между красным и белым противостоянием, складывая ослышку России с войной войну Алой и Белой Розы (аллюзия на «Портрет художника в юности» Джойса) и призывая от открытой войны к миру. Упоминание об Альбе не только вызывает ассоциацию с Белым Альбионом, но и указывает на древнее поселение, которое слилось с кельтами: “<...> making friends with everybody red in Rossya, white in Alba and touching every distinguished Ourishman he could ever distinguish before or behind from a Yourishman for the customary help of a crown and peace” [7, с. 463.23–25].

Впервые славянское слово со значением «война» (укр. війна́, русск.-цслав. война, болг. война́, словен. vojna, чеш., слвц. vojna, польск. wojna, в.-луж., н.-луж. Wojna) вставляется в словоформу – отклонение, где можно вычленишь ослышки сразу трех славянских лексем двойня, война и брат: “Come, thrust! Go, parry! **Dvoinabrathran**, dare. The madlong ramp of manchind’s parlements, the learned lacklearning, merciless as wonderful” [7, с. 252.4]. Лексема война в оппозиции миру участвует в перифразе крылатого выражения “In vino veritas, in aqua sanitas”: “Yet this war has meed peace? **In voina viritas**” [7, с. 518.31]. В перифразе русская лексема «война» связывается с латинской лексемой *viri* «герои» (очевидно, «честуемая истина героизма войны»). Для сравнения, немецкая лексема Krieg употребляется в «Поминках» трижды, причем в одном случае речь идет о Наполеоне и Веллингтоне в словосочетании “dooley krieging” [7, с. 10.5], первое слово которого может быть ослышкой русского слова «дуля» (возможно, это Мистер Дули, или Финли Питер Данн, чикагский спортивный журналист и юморист, изобретавший слова). Война удлиняется французским словом «война» в “aleguerre come alagueerre” [7, с. 233.30] и “daguette” [7, с. 339.23]. Интересно отметить, что с ударением на первый слог в России есть река Война (Воинка), на пересечении которой с рекой Колочей находится село Бородино. Таким образом, Джойс сочетает название русской реки, устье которой возле Бородина, с войной, военными действиями. Аллюзиями Джойс отсылает к роману Толстого, отпочковывая освободительную войну, подобную войне ирландского народа против викингов (битвы при Бородине и реке Бойн).

Аллюзия на «Войну и мир» Л.Н. Толстого вызывает в памяти русских генералов, о которых говорится на стандартном английском языке, без искажения, с повтором русского междометия «да»: “and the Russian generals, da, da” [7, с. 101.20–21]. Уважением к славе русских войск, победивших Наполеона, может быть вызвана ослышка русского слова «победа» (др.-русс. побѣда): “**Pobiedo** Lancey” [7, с. 209.12]. Английские удлинения завершение войны и война до победного конца: “The war is o’er. Wimwimwimwim!” [7, с. 101.7] и “the war-to-end war” [7, с. 182.9].

Джойс скрещивает мир и войну в вариациях, например: “the sinews of **peace** and his chest-o-**wars**” [7, с. 133.16–17]. Ослышками Вильно и Кремля он удлиняет аллюзии на Наполеона, который не думал, что русские будут гнать его из Кремля до Вильны и не дадут закрепиться там (еще одна ослышка – вольно-невольно): “failing **wilnaynilnay** that he was pallups barn in

the minkst of the **krumlin**” [7, с. 339.33–34]. На пути к Вильне обращенный в бегство Наполеон потерял более половины армии, да и оставшаяся часть была уничтожена и разложилась. Кремлевская стена удлиняется в Оливера Кромвеля, жестоко подавившего восстания в Ирландии: “**Crummwiliam wall**” [7, с. 347.32].

Для построения ризомы войны и мира Джойс прибегает к ослышкам трансформационного характера. Трансформации «русский» включают в себя, например, “de **Razzkias** trying to reconnoistre the general Bookeleff” [7, с. 81.34–35], “**Russkkruscam**” [10, с. 352.33], “I was **rooshian** mad, no lie” [7, с. 509.7], “**aroostokrat**” [10, с. 199.34], “for you **reussischer** Honddu jarkon!” [7, с. 198.18], прилагательное «русский» дается ослышкой: “the **Riss**, the **Ross**, the sur of all **Russers**” [7, с. 340.35–36] – упоминание о государе всея Руси (Иван Грозный, Петр Первый, Николай II). Джойс слышит ослышку «русский» в искаженном русском слове «хорошо», по-видимому, говоря о наступлении Наполеона на Москву: “in the direction of **Moscas**, he first got rid of a few mistmillers and **huroooshoos**” [7, с. 83.36–84.1-2]. Джойс проводит аллюзию с русским словом «товарищ», снова делая акцент на ослышке «русский человек»: “**Rooskayman kamerad**” [7, с. 89.7]

На протяжении всех «Поминок» обыгрывается самая знаменитая битва в Ирландии, которая произошла на реке Бойн в 1690 г.: “the battle of the Boyne” [7, с. 114.36]. Джойс играет на созвучии названия реки и русской лексемы «бойня»: “bloodstained **boyne**” [7, с. 341.6], “three lipoleum **boyne**” [7, с. 8.22]. Интересно, что как раз бойни (резни, массового убийства) в сражении при реке Бойн не было благодаря удачной атаке ирландской конницы. Ослышкой русской лексемы «бойня» Джойс пользуется, когда говорит о противостоянии католиков и протестантов: “pumped the catholich wartrey and shocked the prodestung **boyne**” [7, с. 126.21–22].

Несколько раз Джойс употребляет польскую лексему «hetman», происходящую от немецкого слова “Hauptmann” (главнокомандующий в Польском войске и начальник казачьего войска в Украине): “**hetman** unwhorsed by Searingsand” [7, с. 137.17]; “it’s **Hetman** MacCumhal foots” [7, с. 243.14]. Упоминание о гетмане участвует в украинском и польском блоке. Возможно, “bored the Ostrov” [7, с. 136.8] является аллюзией на запорожских казаков.

Русская лексема «матрос», заимствованная из голландского языка в XVII веке, осваивается в “**Matrosenhosens** nose the joke” [7, с. 133.16]. Ослышка слова моряцкий в «moriartsky» [7, с. 338.9] подводится “Morya Mortimor!” [7, с. 316.21] и “Mortar martar tartar wartar!” [7, с. 341.12]. “Mortar” – обстрел минометным огнем, “mar” – морской, военно-морской, “tartar” – татарин, завоеватель, варвар, глубочайшая бездна под царством Аида, “war” – война. Повторяющееся слово tar в разговорном английском называет матроса, а также обозначает смолу. Слово tar складывается с лексемой pitch значением «смола». Поэтому в “pitschobed” [10, с. 339.5] возможно прочтение «проливать кровь», т.е. пускающий кровь красный матрос в “**moriartsky blutcherrudd**” [7, с. 338.9] Моряка можно назвать человеком моря, как в “O maremen!” [7, с. 312.10]. Лексема со значением кобыла выводит на других участников гражданского конфликта, кавалерию с тачанкой: “clankata**chankata**” [7, с. 24.23].

Похожее славянское включение: “The **goragorridgorballyed** pushkalsson” [7, с. 323.16]. Русские ослышки горы и гореть

встраиваются в словоформу-отклонение, где различаются английские лексемы *horrid* «противный», *ball* «ядро», а также трижды повторяется имя египетского бога Гора («высота», «небо»). Выводится смысл: горящие высоты противно задренные. Джойс обыгрывает имя Гора, удлиняя значение «высота» русским словом «гора», а слово «ядро» – «оком». Гор воскрешает Осириса, дав ему проглотить свое око, что может быть вложено в «*gorballyed*». Одновременно в «*gorballyed*» различается вложенная английская лексема *ally* «союзник», что направляет к истории союзных войн, таких как Крымская война. Дополнительно лексема *ball* удлиняется в ослышку большевика, как в «*Howoft had the ballshee tried!*» [7, с. 316.18–19] (Как часто больше(вики) пытались!) Еще одно удлинение «*the whole pikny time*» [7, с. 350.22] вуалирует русское слово в значении «стрелять», как в «Очарованном страннике» Лескова.

Отпчоквание дома складывается транслитерацией русского слова дом. Его сочетание со славянской лексемой дым удлиняется скрещиванием войны (дым сражений) и мира (мирная домашняя жизнь). Джойс дает английскими словами свое понимание дома как жилища, например: «*slated dwellinghouses*» [7, с. 116.34]. Дважды изменения фамилию фаворита Екатерины Великой князя Потемкина – «*Podomkin*» и «*Patomkin*» [7, с. 290.1], Джойс в первой ослышке фамилии создает игру русскими словами «под дом», добавляя английскую лексему со значением «родственный». Он напоминает о легендарных бутафорских потемкинских деревнях. Сюда же можно отнести связанное с князем Потемкиным упоминание Балаклавы в «*backed broadside on Baulacleeva*» [7, с. 134.1]: в 1787 г. императрицу Екатерину, по замыслу Потемкина, встречало «амазонское войско» под командованием жены капитана Греческого батальона.

Утверждая, что мирнее могилы ничего нет – «*Peacer the grave*» [7, с. 503.27], Джойс перефразирует перемирие как демонтаж меча, войны и слов: «*a truce to demobbed swarwords*» [7, с. 501.1213]. Для протеста против религиозных войн Джойс избирает ослышку русского слова «хворый»: «*agenst all religious overgow so hworefore*» [7, с. 326.22].

В саморазвивающейся одновременности Джойс описывает Киевскую Русь, где викинги (варяги) безболезненно стали во главе государства, и борьбу ирландцев против викингов-завоевателей. Русское «весло», которым гребли «из варяг в греки», в том числе Святославичами – «*sweatoslaves*» [7, с. 302.12], удлиняется в слова, оглаголенные веслом: «*Plunger words what paddle verbed*» [7, с. 486.9]. В том же русле ослышка русской лексемы «свет» удлиняется в созвучную английскую лексему «sweat»: «*sweat of night*» [7, с. 474.24] складывается в «потосвет ночи».

Джойс скрещивает события первой мировой войны ослышками слов ретроград (мракобес, противник прогресса, реакционер), Петроград и имени Ленина: «*for any feelings from my liferprivates on their reptrograd leanins*» [7, с. 351.27–28]. Ослышка слова «ретроград» от латинской лексемы *retrogradus* необходима для указания на возвращение назад. Петроград стал новым именем Санкт-Петербурга в 1914 г., потому что, например, проживавшие в Петербурге чехи, требовали отказаться от немецкого названия города. Но Петроградом называл Петербург в «Медном всаднике» А.С. Пушкин. В таком ракурсе можно говорить о возвращении назад, на что указывает ослышка Санкт-Петербург в «*sunpictorsbosk*» [7, с. 351.24]. Ослышка «Ленин» напоминает о том, что в 1924 г. Петроград был пере-

именован в Ленинград. По-видимому, ретроградством Джойс считает именно последнее название, «тощее» («*lean*») желание «склонных» («*lean*») переименовать в Ленинград город, который А.С. Пушкин называл «градом Петровым». Ослышка Ленина в английской лексеме *lean* «худой» удлиняется в аллюзию на слова Платона Каратаева (худые и добрые люди). Ленину отводится роль худого (плохого) человека.

Гетерономия войны–мира строится самоорганизующейся одновременностью: **контекст** (*world*) (блуд, войнамир, вавилонское столпотворение); **текст**-стебель-между (*epiwo*) (эпифанический мир); **подтекст** «*through the windr of a wondr in a wildr is a weltr as a wirbl of a warbl is a world*» [7, с. 597.29]. Между войномиром и манящими волшебными напевами волевых усилий дикомира располагается джойсовский мир, радужный, панъязыковой, эпифанический (художественное откровение): *Hueful panepirphanal world* [7, с. 611.13]; *Hueranwor* [7, с. 611.19]; *Panepiwor* [7, с. 611.22]; *Epiwo* [7, с. 611.24]).

Выводы. Вышеизложенное позволяет заключить, что сопрягая войну и мир с семантической фигурой глубины, Джойс применяет принцип гетерономии, чужеродной закономерности, скрещивая войну и мир в чуждых им внешних законах. Для гетерономии войны и мира Джойс пользуется аналоговой операциональной системой. Славянским удлинением войномира рассеиваются новые смыслы, как бы переводящие, через славянские изломы, написанное на английском языке, и таким путем ускользящее в пробуждающе-затухающие словоформы-отклонения, открывающие другие плато, в которых заведен механизм поиска славянизмов через общность происхождения, заимствования или аллюзии.

Перспективным является изучение славянизмов в других ризоморфных средах «Поминок».

Литература:

1. Эко У. Поэтики Джойса / У. Эко. – СПб: Symposium, 2003. – 494 с.
2. Burgess A. Here Comes Everybody: An Introduction to James Joyce for the Ordinary Reader / A. Burgess. – L.: Faber and Faber, 1965. – 276 p.
3. Cheng V. Joyce, Race, and Empire / V. Cheng. – New York, 1995. – 331 p.
4. Engelhart B. ... or Ivan Slavansky Slavar (FW: 355.11): The Integration of Slavonic Language into Finnegans Wake / B. Engelhart // European Joyce Studies. – 1999. – № 9. – P. 135–144.
5. Sandulescu C. (ed.). A Lexicon of “small” languages in Finnegans Wake / C. Sandulescu. – Bucuresti: Contemporary Literature Press, 2012a. – 236 p.
6. Skrabanek P. Night Joyce of a Thousand Tiers / P. Skrabanek. – Prague: Litteraria, 2002. – 174 p.

Использованные источники:

7. Joyce J. Finnegans Wake / J. Joyce. – L.: Penguin, 1992. – 628 p.

Фоменко О. Г. Гетеронімія у «Фінегановому помині» Джеймса Джойса

Анотація. Стаття розглядає словоформи-відхилення, що включають звукові помилки слів'янського походження в «Фінегановому помині» Джойса. Сформульовано висновок, що, сполучаючи війну і мир з семантичною фігурою глибини, Джойс застосовує принцип гетеронімії, хаотичної закономірності, схрещуючи війну і мир в непритаманному їм порядку.

Ключові слова: ризоморфне середовище, гетеронімія, словоформа-відхилення, звукова девіація, слов'янізація.

Fomenko E. Heteronymy in “Finnegans Wake” by James Joyce

Summary. The article studies deflected word forms, including misheard deviations of Slavonic origin in “Finnegans Wake” by James Joyce. It is inferred that mating war and peace

within the semantic depths Joyce employs the principle of heteronymy, chaotic regularity, to pile up war and peace in alien order.

Key words: rhizomorphic space, heteronymy, deflected word form, misheard deviation, slavonization.